

Культура. - 1994. - Июнь. - с. 10.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Под заголовком «Нутряная Россия: существует ли она еще!» газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью Сергея Шмеманна, которую мы предлагаем читателям с некоторыми сокращениями.

В одном из ранних своих рассказов — «Матренин двор» Александр Солженицын написал западающие в память прощальные слова о возвращении заключенного из исправительно-трудового лагеря:

«Летом 1953 года из пыльной горячей пустыни я возвращался наугад — просто в Россию. Ни в одной точке ее никто меня не ждал и не звал, потому что я задержался с возвратом годиков на десять... Мне хотелось затесаться и затеряться в самой нутряной России — если такая где-то была, жила».

Вермонт — это отнюдь не пыльная горячая пустыня, и возврат задержался не на десять лет, а на двадцать. Но Солженицын в каком-то смысле возвратится наугад в Европейскую часть России, когда он начнет скоро свое путешествие через Сибирь в Москву. Вопрос в том, ждет ли его Россия и существует ли еще «нутряная Россия».

Солженицын не оставил никаких сомнений в своем жгучем желании посвятить последние годы своей жизни тому, чтобы помочь своей любимой Родине оправиться от «коммунистической чумы» и отдать этому свои силы и авторитет.

Но на первой официальной пресс-конференции, которую он провел в своем Отечестве, Солженицын больше критиковал, чем высказывал конструктивные идеи.

В плане позитивных идей, высказанных Солженицыным, — туманные идеи насчет демократии, — сильное центральное правительство и сильные местные власти, честные кандидаты и самокритичный неагрессивный патриотизм в качестве объединяющей идеи в России.

Да, действительно, писатель только начинает свою «одиссею» в России, и он сказал, что готов пересмотреть свои взгляды по мере того, как он будет заново знакомиться со страной. Были интеллектуалы, кто согласился с тем, что предлагаемая Солженицыным форма честного патриотизма может стать той последовательной идеологией, которой так недостает России после краха коммунизма.

Но если это действительно так, то неизвестно еще, является ли Солженицын тем человеком, который сможет содействовать развитию этой идеи.

После первого пьянящего вкуса свободы русские обнаружили, что доброта менее полезна в политической жизни, чем искусство управления и прагматизм.

Что до того, существует ли еще «нутряная Россия», то надо сказать, что большая часть российской глубинки остается такой, какой оставил ее, уезжая, Солженицын, — грязной, отсталой, провинциальной, бедной. Но Россия изменилась и изменилась кардинально.

Солженицын уезжал из государства, в котором система тирании диктовала буквально все и в которой жизнь состояла из постоянных компромиссов и небольшой лжи.

Но тирания также необычайно остро выявляла человеческие черты — совесть, смелость, слабость, цинизм, — подобно тому, как война выявляет силу и трусость. Каждому русскому приходилось бесконечное число раз делать выбор между честностью и компромиссом, и ни для кого это не прошло бесследно.

Большинство просто боролось за то, чтобы сохранить минимальную личную честность перед лицом ненасытного стремления государства заставить демонстрировать лояльность. Это был суровый и жестокий мир, но такой мир, в котором произнесенная шепотом правда и провезенные тайно книги значили больше, чем деньги или статус. В мире, в котором люди совести сплывались, неповиновение было признаком величия.

Солженицын сформировался именно в таком мире, и его отшельническая жизнь в Вермонте часто напоминала попытку сохранить свой дух до того времени, когда он сможет вернуться. Он носил такую же простую одежду, вел такой же спартанский образ жизни, жил так же замкнуто и занимался поиском тех же истин.

Но страна, в которую он вернулся, уже не живет в этом духе и даже не восхищается им. Может быть, это и плохо, но романтизировать это прошлое — значит забывать о том, что расплатой за него была свобода. Многие поклонники Солженицына разочаровало, что на своей пресс-конференции он ничего не сказал о том, что, несмотря на их неправильную экономическую политику и неудачные попытки в области демократии, Горбачев и Ельцин сбросили эти путы, что Россия стала более свободной.

Может быть, в моральном плане это не так привлекательно, как тихие страдания угнетенных, и, к явному огорчению Солженицына, новые свободы принесли страдания, вульгарное богатство, вопиющую социальную несправедливость и вторжение тех западных нравов и поп-культуры, на которые писатель так обрушивался, когда жил в Вермонте.

Но Солженицын вряд ли обнаружит, что многие русские готовы поменять свои нынешние трудности на прошлую тиранию. Вопрос не в том, как Россия оказалась в таком положении, а в том, что делать дальше. Солженицын говорит, что именно это означает, что он выбрал нужный момент для своего возвращения.

Он сказал: «Именно сейчас я буду полезен, а не три года назад, когда две силы сталкивались, словно два козла на мосту, пока один из них не упал».

Попытка немедленно построить демократию и капитализм, всеобщее стремление как можно скорее окреститься в Русской православной церкви и немедленно приобрести западные товары — все это заставляет людей ощущать какую-то пустоту.

Предлагаемая Солженицыным форма мягкого патриотизма — это не худшая основа для объединения нации, но для этого ему потребуется признать, что той «нутряной России», о которой он мечтал, больше не существует.